

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

Институт гуманитарных наук и управления

Кафедра русской литературы

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МИРА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сборник научных статей

Москва
2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)я43
Н 47

Редактор:

Доктор филологических наук, профессор **А.В. Громова**
(Московский городской педагогический университет)

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор **И.А. Беляева**
(Московский городской педагогический университет)

Кандидат филологических наук, доцент **Л.И. Шишкина**
(Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ)

Неклассические модели мира в русской литературе:

Н47 сборник научных статей / Московский городской педагогический университет; ред. А.В. Громова. – М.: ООО «Инженер», 2017. – 235 с.

ISBN 978-5-8396-0521-2

Сборник посвящен исследованию «неклассических» (модернистских) моделей мира в русской литературе. В центре внимания авторов находятся, главным образом, произведения русского литературного модернизма и постмодернизма, но также рассматриваются вопросы взаимодействия классических и неклассических моделей мира, рецепции и интерпретации текстов русской литературы. В качестве контекста привлекаются произведения фольклора, древнерусской словесности, отечественных писателей XIX века, зарубежных авторов.

Издание адресовано специалистам-филологам, преподавателям вузов и аспирантам, но может быть полезно студентам, учителям-словесникам и всем, интересующимся русской литературой.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)я43

ISBN 978-5-8396-0521-2

© Авторы статей, 2017

Раздел 1. ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

Доценко С.Н.

КАК А. РЕМИЗОВ ЦИТИРОВАЛ Ф. ДОСТОЕВСКОГО: МЕЖДУ ТЕКСТОМ И МЕТАТЕКСТОМ

Ремизовское эссе «Огненная Россия. Памяти Достоевского» (1921) насыщено цитатами и реминисценциями из романов «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток». Общий объем «чужого слова» составляет 67,3% от объема текста Ремизова, при этом отсутствуют указания на цитируемые произведения. Интенсивное использование текстов Достоевского и намеренное стремление стереть границу между «своим» и «чужим» словом свидетельствует о замысле Ремизова говорить о Достоевском словами самого Достоевского.

Ключевые слова: А. М. Ремизов; Ф. М. Достоевский; цитата; «чужое слово»; метатекст.

В 1923 году Ремизов в своей автобиографии писал: «Жгучую память сохраняю о Достоевском – первой прочитанной книге, которому посвящено в книге моей “Огненная Россия” огненное слово» [9: с. 26].

Повышенный интерес к Достоевскому был у Ремизова неизменным – еще в ранней автобиографии (1912) он поставил Достоевского на первое место среди писателей, особенно на него повлиявших: «От сказок и Макарьевских четий-миней через любимых писателей – Достоевского, Толстого, Гоголя, Лескова, Печерского к Ницше и Метерлинку и опять к сказкам и житиям и *опять к Достоевскому...* (курсив мой. – С.Д.) вот она как загнулась дорожка, вот те камушки, по которым шел и иду за тридевять земель в тридесятое царство за живою водой и мертвой» [10: с. 441].

В конце жизни Ремизов признавался: «А особенно в литературе меня тронул апокриф Мармеладова: “Приходите и вы, свиньи...” – всегда готов читать эту исповедь Достоевского. А имена, под которыми прошла жизнь в России за 44 года (1877–1921) – Достоев-

ский, Лесков...» [6: с. 111]. В мемуарной книге «Петербургский буерак» он напишет еще более выразительно: «...Достоевский действовал на меня до содрогания...» [13: с. 358].

Влияние творчества Достоевского на Ремизова постоянно отмечали литературные критики. Так А. Измайлов, говоря о повести Ремизова «Крестовые сестры» (1910–1911), довольно точно подметил: «В “Крестовых сестрах” Ремизов весь вышел из Достоевского и весь в него ушел» [5: с. 64]. (О влиянии Достоевского на эту повесть см. также: [4: с. 64]). А критик Е. Колтоновская в рецензии на повесть Ремизова «Пятая язва» (1911) утверждала: «Достоевский оставил большой след в нашей литературе. Чуть не все “молодые” писатели его наследники. И самый талантливый среди его учеников – А. Ремизов, унаследовавший не только его философию и нервический писательский склад, но и его способность бесстрашного мучительного анализа. *У Ремизова есть целые страницы, которые могли бы быть приписаны Достоевскому* (курсив мой. – С.Д.). Но это не подражание с его стороны, а несомненное духовное родство с великим тайновидцем» [7: с. 95].

Особый интерес представляет первая попытка развернутого истолкования личности и творчества Достоевского, которая была сделана Ремизовым 11 февраля 1921 года: он выступил с речью о Достоевском в петроградском Доме Литераторов. В этой связи любопытно мемуарное свидетельство К. Федина: «В сороковую годовщину смерти Достоевского Ремизов произнес “Слово” о нем («Огненная Россия. Памяти Достоевского». – С.Д.) в Доме литераторов. Я смотрел в лицо Ремизову, когда он, прискакивая, как будто сияясь выпрыгнуть из-за кафедры, на которую опирались его раскинутые руки, взывал к аудитории смятанным голосом. Было что-то жгучее и неистовое в ремизовском прославлении России Достоевского, в покаянии и гневe, какие клокотали в этом “Слове”. Лицо Ремизова вдруг передергивалось, на миг искажаясь от боли и страсти, хотя видно было, что он себя изо всех сил удерживает в ораторской черте, почти боясь вырваться из нее в исступление, в пророческий, в шаманский крик. Он произносил

каждую фразу с напряженной ясностью, но мне все казалось, что он вот-вот забормочет, как в припадке, и в его смертной бледности, наполненной трепетом, в его губах, забелевших по уголкам, было что-то эпилептическое» [14: с. 117–118].

«Пророческий» и «шаманский» крик, «страсть», «исступление», «припадок», «что-то эпилептическое», – все эти детали вызывали ассоциации с Достоевским (возможно, и с его знаменитой речью о Пушкине и тем эффектом, который она произвела 8 июня 1880 года [8: с. 431–432]). А затем мемуарист уже прямо отмечает аналогию между биографией Достоевского и биографией Ремизова: «Как психолог, как романист, он шел по следам своего божества, отыскивая и строя русские характеры как ключи к познанию России. *Его биография сложилась странным подобием биографии Достоевского* (курсив мой. – С.Д.), маленьким, конечно, подобием, отражением в капле воды, но все-таки отражением великой планеты» [14: с. 118–119].

Это глубоко личное (биографическое) восприятие Ремизовым личности Достоевского (см. подробнее: [2: с. 107–117; 3: с. 235–240]) в значительной мере определило и его подход к текстам писателя, проявившийся в его эссе «Огненная Россия. Памяти Достоевского» (1921). Прежде всего отметим, что текст ремизовского эссе насыщен цитатами и реминисценциями из романов Достоевского («Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Бесы», «Подросток», «Униженные и оскорбленные»).

Всего в тексте эссе Ремизова нами обнаружено 10 закавыченных цитат из романов Достоевского, и еще – по меньшей мере – 18 незакавыченных цитат и реминисценций. Объем использованного «чужого слова» (и в случае цитат, и в случае реминисценций) может быть разным: от отдельного закавыченного слова (например, слово «авторитет» отсылает к «Легенде о Великом инквизиторе»: «...Отречением воли, цепным “авторитетом”, беззаветным началом еще возможно в мире что-то поправить, сделать человечество счастливым» [12: с. 360] – см. в романе «Братья Карамазовы»: «Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете» [1: т. 9, с. 289]) до

большой цитаты, состоящей из 152 слов (цитата из романа «Братья Карамазовы», фрагмент сна Дмитрия Карамазова), 167 слов (цитата из романа «Братья Карамазовы»¹) или даже из 280 слов (купированная цитата из романа «Подросток»).

Общий объем закавыченных цитат из произведений Достоевского – 803 слова (или 60,5% от объема всего текста, состоящего из 1326 слов). Объем незакавыченных реминисценций – примерно 90 слов². Таким образом, объем «чужого» текста составляет по меньшей мере 893 слова, или 67,3% от объема всего текста Ремизова.

Другой примечательный аспект использования Ремизовым цитат и реминисценций из произведений Достоевского заключается в следующем: отсутствуют вводные указания и / или ссылки на эти цитируемые тексты.

Уже в первом фрагменте эссе мы видим характерную картину:

«Достоевский – это Россия.

И нет России без Достоевского.

И в последний страшный час, – если суждено такому страшному часу, – в внезапную последнюю минуту на последний зов и суд – кому же? – только он, только он один выйдет за Россию, станет один, скажет один за всех – **мучающихся, страждущих, смрадно-грешных, но “младенчески любящих”**³ – за Россию

¹ Примечательно, что в этой цитате Ремизов опустил имя героя (Алеша): «Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною. Стоял, смотрел и вдруг, как подкошенный, повергся на землю» [12: с. 362]. См. в романе «Братья Карамазовы»: «Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю» [1: т. 9, с. 405]. Тем самым Ремизов сделал несколько затруднительной идентификацию цитаты, в известной мере он ее «обезличил».

² Точный подсчет количества незакавыченных цитат и / или реминисценций затруднителен, однако возможная погрешность не представляется нам значительной.

³ См. в романе «Братья Карамазовы»: «И вот Он возжелал появиться хоть на мгновенье к народу, – к **мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему** Его народу» [1: т. 9, с. 279].

бунтующую, отчаянную и несчастную (ведь разве бунтующий может быть счастлив!¹), за “убийца”² – за весь русский народ.

– Суди нас, – скажет судии, – если можешь и смеешь³.

И из впалых, испепеленных болью глаз, как искра, блеснет огонь⁴.

Какое изгвоенное сердце – ни одно человеческое сердце не билось так странно и часто, безудержно и исступленно –

“и чем тише был месяц – огромный круглый медно-красный месяц глядел прямо в окно – тем сильнее стучало сердце и даже больно становилось”⁵.

Кто, откуда пришел он?

Пройдя какие квадриллионы⁶ пространств – отблеск и отвей какого страшного премудрого духа⁷, пустынного огненного

¹ См. в романе «Братья Карамазовы»: «Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми?» [1: т. 9, с. 283].

² См. в романе «Преступление и наказание»: «Ты убийца, – произнес тот, еще раздельнее и внушительнее» [1: т. 5, с. 257].

³ См. в романе «Братья Карамазовы»: «И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: “Суди нас, если можешь и смеешь”» [1: т. 9, с. 292].

⁴ См. в романе «Братья Карамазовы»: «Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск» [1: т. 9, с. 292].

⁵ См. в романе «Преступление и наказание»: «Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окна. “Это от месяца такая тишина, – подумал Раскольников, – он, верно, теперь загадку загадывает”. Он стоял и ждал, долго ждал, и чем тише был месяц, тем сильнее стучало его сердце, даже больно становилось» [1: т. 5, с. 262].

⁶ См. в романе «Братья Карамазовы»: «Был, дескать, здесь у вас на земле один такой мыслитель и философ, “все отвергал, законы, совесть, веру”, а главное – будущую жизнь. <...> Вот его за это и присудили <...> чтобы прошел во мраке квадриллион километров (у нас ведь теперь на километры), и когда кончит этот квадриллион, то тогда ему отворят райские двери и всё простят...» [1: т. 10, с. 149].

⁷ См. в романе «Братья Карамазовы»: «Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе...» [1: т. 9, с. 287].

духа-искусителя, держащего ключи от человеческого счастья (выделено мной. – С.Д.)» [12: с. 358–359].

Из девяти цитат и реминисценций из произведений Достоевского, которые обнаруживаются в этом фрагменте, только три закавычены: «младенчески любящих» (цитата восходит к тексту романа «Братья Карамазовы»), «убивец» (цитата восходит к роману «Преступление и наказание») и большая цитата из «Преступления и наказания». Остальные цитаты кавычками не обозначены, тем самым они воспринимаются как часть текста, принадлежащего якобы самому Ремизову. Более того, они инкрустированы в текст Ремизова, не будучи никак выделены в качестве автономного «чужого» текста. В результате происходит размывание границы между «своим» текстом (словами Ремизова) и «чужим» текстом (словами Достоевского).

Как можно интерпретировать такое интенсивное использование Ремизовым текстов Достоевского и преднамеренное стремление стереть границу между «своим» и «чужим» словом? Мы полагаем, что это попытка Ремизова говорить о Достоевском – словами *самого* Достоевского. Здесь уместно вспомнить метод Ремизова, который он осознанно использовал при обработке и переложении фольклорных (а также апокрифических) текстов: «...При художественном пересказе, когда по сличению всех имеющихся налицо вариантов какой-нибудь народной сказки материалом является облюбованный, строго ограниченный текст, все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию в избранном тексте подробностей или к дополнению к этому тексту, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, в этом вся хитрость и мастерство художника» [11: с. 608].

Как очевидно, при такой переработке фольклорного текста Ремизов просто наслаивает (вкрапляет) элементы «своего» слова в «чужой» текст. При этом граница между *своим* и *чужим* оказывается редуцированной, слабо различимой. В итоге мы видим, как «чужое» слово становится едва ли не «своим».

Похожий метод Ремизов использует в эссе «Огненная Россия. Памяти Достоевского». В традиционном понимании цитаты и реминисценции из произведений Достоевского имеют статус *текста*, а комментарии и рассуждения Ремизова – статус *метатекста*. Следовательно, можно говорить о ситуации, когда *текст* и *метатекст* перестают функционально различаться.

Литература

1. Достоевский Ф. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1989–1991. Т. 5, 9–10.
2. Доценко С. А. Ремизов и Ф. Достоевский: Поэтика палимпсеста // Русская литература. 2007. № 4. С. 107–117.
3. Доценко С. «Кто, откуда пришел он?» (Ф. Достоевский в эссе А. Ремизова «Огненная Россия») // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков: сб. ст. в честь проф. Х. Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków: Scriptum, 2014. С. 235–240.
4. Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика: Статьи критические. 1908–1922. Пб.: Колос, 1922. 260 с.
5. Измайлов А. Старорусские кружева // Измайлов А. Пестрые знамена. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 85–101.
6. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. 244 с.
7. Колтоновская Е. О русском // Новый журнал для всех. 1912. № 12. С. 95–104.
8. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. Т. 3. 1875–1881. СПб.: Академический проект, 1995. 614 с.
9. Ремизов А. Алексей Ремизов о себе // Россия. М.; Пг., 1923. № 6. С. 25–26.
10. Ремизов А. <Автобиографии. 1912; 1913> // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. С. 437–445.
11. Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. 720 с.
12. Ремизов А. Собр. соч. Т. 5. Взвихренная Русь. М.: Русская книга, 2000. 688 с.
13. Ремизов А. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2003. 592 с.
14. Федин К. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М.: Советский писатель, 1968. 384 с.